

*Г. Еремичева,
Ю. Симпура*

НЕДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Высокая степень политизации и социальное напряжение — неотъемлемые характеристики современного российского общества. Политическая и экономическая нестабильность, частые кадровые перестановки как в правительстве, так и на уровне местных властей, сенсационные заявления о компроматах на членов парламента и правительства, выступления самих «избранников народа» в прессе и по телевидению, серия заказных убийств известных политических деятелей и бизнесменов, террористические акты и война на Кавказе — все это в сочетании с резким ухудшением уровня жизни не может не отражаться на умонастроениях всех слоев населения.

Неоднократные смены правительства на фоне нестабильной активности президента, резкое противостояние представителей различных фракций в Государственной Думе со всей очевидностью демонстрируют явный политический кризис всех ветвей власти и раскол в рядах правящей элиты в борьбе за депутатские места в парламенте и президентское место.

Падение доверия населения почти ко всем политическим лидерам и деятельности политических и социальных институтов становится одной из важнейших тем во многих контекстах современной России. Как отмечают исследователи, подобное социально-психологическое состояние общества в поставторитарный период характерно не только для России. Многие страны Восточной Европы также переживали период «крушения массовых иллюзий, связывавшихся с победой демократических сил». Это объясняется тем, что демократические преобразования для многих слоев населения ассоциировались, в первую очередь, с улучшением социальных и материальных сторон жизни, ростом материального благополучия, а не с политическими свободами и демократическими ценностями.

Но, «в отличие от большинства других поставторитарных стран, где основная масса населения проводит отчетливое различие между демократией как некой оптимальной формой правления и конкретным функционированием демократических институтов и лидеров, в России доминирующей тенденцией изменений в общественных настроениях становится разрушение демократических ориентаций масс, их явное охлаждение к демократическому выбору страны», усиление проавторитарных настроений в сознании россиян [1, с. 207].

Симпура Юсси — профессор, директор отдела Центра национальных исследований благосостояния и здоровья, Хельсинки, Финляндия.

Еремичева Галина — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

В условиях отсутствия необходимых культурологических предпосылок и устойчивой приверженности большинства к идеям и принципам демократии, особое значение приобретает эффективность усилий новой российской власти по преодолению социально-экономического кризиса в стране и повышению жизненного уровня населения. Однако без социально-психологической поддержки широких слоев никакие проекты общественного развития, которые выдвигают различные борющиеся за власть политические силы, не смогут быть в полной мере реализованы успешно.

Затянувшийся период трансформации и превращение переходного состояния сознания людей в постоянную характеристику заставляет их вырабатывать к условиям сегодняшней жизни специфические приспособительные механизмы. Это позволяет отдельным группам населения, с одной стороны, использовать слабости государственной власти в своих интересах, нередко пренебрегая социальными нормами и законами, а с другой, апробировать вынужденные и обусловленные обстоятельствами стратегии по отношению к социальным институтам, характеризующиеся пассивным ожиданием и приверженностью к государственно-патерналистским установкам.

Утверждение, которое приводит Г. Г. Дилигенский в своей статье, основываясь на материалах социологического обследования, проведенного Б. Г. Капустиным и И. М. Клямкиным, о том, что «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения "родственно-дружеским" кругом, а чувство долга — масштабами семьи» — справедливо и для наших собственных изысканий в этой области [2, с. 230].

В предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть проблемную ситуацию недоверия населения России к политическим системам власти как социальную проблему, характеризующую период социальной трансформации общества, и определить место собственного концептуального подхода в мировой дискуссии в отношении таких концептов, как «доверие» и «недоверие».

В последние несколько лет в западной социологической литературе *недоверие* в качестве дискуссионной темы встречалось достаточно редко, а широко обсуждаемыми и гораздо более основательно разработанными оказались концепции *доверия*. Учитывая их значимость для наших собственных исследований, позволим себе коротко на них остановиться. В дискуссиях по поводу доверия могут быть выделены, по крайней мере, три главных направления.

Первое составляют исторически ориентированные исследования дженералистов (*generalists*), которые стремятся представить доверие как основополагающее и структурирующее понятие глобализации западной цивилизации, которая развивается на принципах конструктивного, созидательного сотрудничества и партнерства международных корпораций в рамках мировой системы и характеризуется собственными культурными и классовыми аспектами [3].

Второе направление объединяет ряд концепций, представленных известными социологами. Среди них Гидденс и Зелигман, которые больше склоняются к концептуальному анализу феномена доверия. При этом Гидденс [4] видит существенное различие между «базовым доверием» и доверием к абстрактным системам, а Зелигман [5] рассматривает доверие, с одной стороны, как ощущение

ние ответственности, долга, обязанности (trust), а с другой, как значимую степень достоверности, уверенности в завтрашнем дне (confidence). В первом случае доверие всегда персонифицировано: мы доверяем кому-то, т.е. конкретным людям. Во втором оно ассоциируется с определенными социальными институтами и системами, с деятельностью которых мы связываем надежду на будущее.

В рамках феноменологической перспективы исследует доверие Лагершпец [6]. При изучении социальной организации таких неформальных сетей, как, например, сицилианская мафия, Гамбетта широко использует концепцию доверия [7; 8]. К этой же группе могут быть отнесены исследовательские попытки Колемана определить истоки доверия с помощью концепции рациональности и рационального выбора [9; 10].

Третье, более специфическое, но одновременно и более политически ориентированное направление представляет дискуссия о «социальном капитале» [11; 12], которая в определенных своих постулатах базируется на работах Колемана. Определяя смысловое наполнение определения «социальный капитал», Патнэм «обращается к таким чертам социальной организации, как доверие, нормы, сети, которые могут улучшить эффективность общества, обеспечивая координирующие действия» [11, р. 167]. По его мнению, такие ценности, как степень взаимного доверия, общественные связи, универсализированные институциональные взаимодействия — это результат «многосложной эволюции, включающей в себя и острейшие конфликты, и повседневную "капиллярную" работу нормообразования, и цивилизаторскую деятельность интеллектуальной и управленческой элиты» [13, с. 12].

Концепция «социального капитала» предлагалась как важный дополнительный фактор объяснения вариаций экономического развития различных стран. В последнее время теория «социального капитала» завоевала особое внимание Мирового банка, работающего над проблемой экономического развития постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, а также стран «третьего мира».

Как уже было отмечено выше, концепция недоверия разработана гораздо слабее. Традиционно этот негативный концепт интерпретируется как отсутствие доверия или иной дефицит в неформальной социальной организации.

Теоретической основой дискуссии о недоверии является разработанная в классической социологии концепция аномии [14; 15] как специфической характеристики общества или группы (но не индивида).

В последних исследованиях жизненного опыта безработных, проведенных финскими учеными Кортайнен и Туомикоски [16], теория «социального недоверия» тесно переплетается с более психологической концепцией «циничной враждебности». Феномен социального недоверия возникает в ситуации, когда доверие к обязанностям, основывающимся на нормах или моральных детерминантах общества, заметно ослабевает. Это может быть интерпретировано также и как процесс накопления людьми негативного опыта в процессе их жизни, вследствие чего у них растет степень неудовлетворенности по отношению к действующим фундаментальным принципам сообщества (community), что вынуждает его членов придерживаться других моральных кодов. В повседневной жизни

это проявляется в осознании того, что в большинстве случаев люди действуют целенаправленно, только если руководствуются собственными интересами.

Со временем социальное недоверие может стать специфической характеристикой отношения индивида к обществу, что и находит свое подтверждение в высказывании Штомпки о ситуации в постсоциалистической Польше: «Печально и парадоксально, но цинизм превратился в достоинство» [17, р. 53]. В этом контексте вполне актуальным становится вопрос, насколько широко такие attitudes могут распространяться среди различных групп населения и какие политические последствия это будет иметь для страны в будущем?

При анализе препятствий на пути демократии в бывших социалистических странах Штомпка отмечает, что, как оказалось, «культура недоверия» стала более предпочтительной в Польше и других постсоциалистических странах в середине 90-х гг. «Эндемическое недоверие, проявившееся на всех уровнях и во всех областях социальной жизни, остается реальностью в течение пяти лет после падения реального социализма» [17, р. 47]. Следуя логике Зелингмана о наличии двух уровней в интерпретации рассматриваемого концепта, потеря доверия в переходный от коммунизма период, как описывает это Штомпка, является в действительности потерей доверия к институтам, а не потерей доверия к межличностным связям. Как показали результаты наших собственных исследований населения Санкт-Петербурга степень важности личных социальных сетей для выживания в повседневной жизни оставалась, наоборот, высокой во все годы перестройки, на что мы уже указывали выше [18; 19].

Социальная проблема и конструкционистский подход к ее изучению

Прежде чем перейти к процессу конструирования исследуемой проблемы в контексте нашей социальной реальности, необходимо кратко остановиться на вопросе взаимосвязи социальной трансформации и социальных проблем. Этот процесс до сих пор остается недостаточно изученным, причем отечественных социологических исследований, в которых «социальная проблема» являлась бы предметом рассмотрения, крайне мало [20–22].

Напротив, в западной социологии мы находим давние традиции и серьезную научную школу «социологии социальных проблем», в рамках которой с различных теоретических позиций и специфическими методами анализа исследовалось это явление. Почти все наиболее важные научные теории внесли свой вклад в разработку подходов к социальным проблемам: это и концепции социальной патологии (Ч. Ломброзо, П. и В. Тарновские, С. Смит и Ч. Гендерсон и др.); социальной дезорганизации (Ч. Кули, У. Томас и Ф. Знанецкий, У. Огборн, А. Коэн и др.) и ценностного конфликта (К. Кейс, Л. Франк, Р. Фуллер и Р. Марсидр.); функционалистский (Р. Мертон, Р. Нисбет); интеракционистский (Э. Лемерт, Г. Беккер и др.); критический (И. Тейлор, П. Уолтон и Дж. Янг, Р. Куини, У. Чэмблис, Э. Платт) и конструкционистский (Г. Блумер, М. Спектор и Дж. Китсьюз, И. Шнейдер, Дж. Бест и др.) подходы [21].

Необходимость обращения представителей очень разных научных направлений к этому феномену обуславливается тем, что формирование обыденного сознания и восприятия социального бытия осуществляется посредством представления социальных проблем, которые сами являются продуктом повседнев-

ного опыта людей и «призваны, прежде всего, приводить в гармонию наши действия с окружающим нас миром, выработаны практикой и для нее» [23].

В социологической литературе приводится много различных по объему и содержанию определений социальной проблемы. В самом широком смысле, например, предлагается понимать под ней «то, что люди считают социальными проблемами». При такой трактовке социальную проблему можно рассматривать и как объективное условие, и как «деятельность тех, кто утверждает, что условие существует, и определяет его как проблему» [24]. На наш взгляд, достаточно полным выглядит определение социальной проблемы как объективного противоречия, приводящего «к нарушению пропорций социального функционирования и развития и на этой основе к дисбалансу интересов различных социальных групп, к разрушению доминирующих социальных ценностей, вследствие чего изменяются существенные свойства социума и возникает "угроза" его привычной, устоявшейся (и в этом смысле нормальной) жизнедеятельности» [25, с. 53]. С одной стороны, данное определение учитывает традиционное рассмотрение социальных проблем как объективных статичных условий социальной реальности, которые нарушаются в результате объективного противоречия групповых интересов. С другой стороны, подчеркивает, что возникающая угроза социальных изменений в нормальной жизнедеятельности обуславливает возникновение специфических динамических конструкций, представляющих собой деятельность по выдвиганию утверждений-требований относительно предполагаемых условий.

Социальные проблемы могут артикулироваться различными социальными группами населения, чьи реальные интересы они затрагивают. Эти группы характеризуются социально-демографическими, профессиональными, статусными и другими характеристиками, а выдвигаемые ими социальные проблемы изменяются во времени и в пространстве. Они могут перестать быть злободневными на данный момент, в то время как обозначаемое ими явление еще надолго сохраняется. Социальная проблема обязательно ассоциируется с общественно-значимым дискурсом, работу по публичному формированию которого осуществляют акторы, отстаивающие интерес группы. Следовательно, при изучении полей социальных проблем необходимо считаться с «коллективными представлениями», которые и воздействуют на реальность через объяснение, формулирование и информацию, присущую любой форме представления. Эти представления являются тем более эффективными, чем сильнее они соответствуют объективным трансформациям, так как лежат в основе их появления и содержания [26, с. 17; 19; 31].

Традиционно социальные проблемы изучались как объективные статичные условия социальной реальности вне связи с социальными изменениями, что мы уже отмечали выше. В первую очередь, это было связано с эмпирическими исследованиями приоритетности проблем, отраженных в статистических источниках и данных опросов общественного мнения [27]. Однако анализ преобладающего значения тех или иных проблем не является единственным и достаточным.

В западных исследованиях широко используется конструкционистский подход для изучения социальных проблем. Основной принцип данного подхода заключается в том, что социальные проблемы рассматриваются не как объек-

тивные условия, а как социальные конструкции, которые создают отдельные индивида или группы в результате своей деятельности по выдвиганию утверждений-требований в отношении складывающихся условий жизни. И в этом смысле социальные проблемы могут быть представлены не просто симптомами, эпифеноменами и побочными продуктами социального изменения, а являются существенным промежуточным звеном в процессе социальной трансформации. При этом социальные проблемы играют активную роль в конструировании новой реальности, включаясь в качестве влиятельного фактора в трансформационные процессы [28; 29].

Существуют различные виды дефинитивных процессов. Конструкционистская школа исследования социальных проблем, как правило, изучает публичные процессы — такие, как дискуссии в средствах массовой информации, политические кампании или активность социальных движений локального или низового уровня. Наш подход отличается от классического конструкционизма тем, что нас интересует определение социальных проблем обычными людьми, которые и являются акторами, артикулирующими волнующие их социальные проблемы в рамках тематических исследовательских интервью.

Настоящее исследование фокусировалось на повседневной жизни и стратегиях выживания населения Санкт-Петербурга и охватывало период 1993–1996 гг. В ходе обследования было проведено 100 глубинных интервью в различных семьях жителей Санкт-Петербурга и 30 повторных в этих же семьях с временным лагом в 1–3 года. При отборе семей для интервью была использована техника «снежного кома», которая и обусловила достаточно высокую степень однородности анализируемого социального слоя. Как правило, это были люди с высшим или средним образованием, инженеры, техники, врачи, медсестры, педагоги и воспитатели детских садов, квалифицированные рабочие. Большинство из них на момент опроса работали на государственных предприятиях и испытывали на себе все тяготы бюджетного финансирования: постоянные невыплаты зарплаты, сокращение имевшихся ранее дотаций и льгот, реальная угроза увольнения. Почти все наши респонденты с оптимизмом ждали перемен, но «шоковая терапия» начала реформ для многих из них явилась неожиданностью. Вследствие этого модальность почти всех текстов была во многом сходной. Даже для тех, кто имел возможность начать свой бизнес, жизнь представлялась также достаточно трудной и тревожной.

Угроза потерять работу, резкое снижение материального уровня, нетрадиционные способы поддержания семейного бюджета, а также ухудшение качества медицинского обслуживания и социальных услуг при значительном их удорожании были центральными темами, которые эмоционально обсуждались в семейных интервью. Более общие политические и экономические дискурсы возникали как отражение опыта повседневной жизни. Реакция на политические события артикулировалась почти во всех интервью при обсуждении реальных повседневных практик респондентов и служила так называемым «фоном» в их рассказах о своих житейских трудностях. Таким образом, очевидно, что коллизии повседневной жизни и политические предпочтения переплетаются в микросоциальном контексте. Как свести концы с концами? Как построить стратегии выживания, когда большинство людей не до конца понимают, что происходит в их стране? Невозможность найти ответ на эти вопросы становится

главным источником формирования недоверия к властным структурам в переходных обществах.

О том, как социально-политические процессы переплетаются с опытом повседневной жизни, пишет М. Архангельский в своей статье «Нам готовят анти-социальную эпоху». В ней он обсуждает перспективы дальнейших экономических реформ и их социальные последствия в довольно мрачном тоне, когда ответственность за свою судьбу будет целиком переложена на самого человека. Снижение цен на энергоснабжение для промышленных предприятий, которое неизбежно приведет к сокращению сохраняющихся до сих пор государственных субсидий на отопление, электричество, газ и воду, и последующие за этим другие «непопулярные меры» катастрофически снизят материальный уровень жизни и приведут к действительной маргинализации населения, к социальной политике с минимальной поддержкой только самых насущных потребностей социально незащищенных категорий. Перед большей частью населения встает насущный вопрос: «Те, кто активен и способен работать, будут жить хорошо, но люмпенизирующемуся пролетариату остаются только лишения и нужда». Основным принципом жизни в таком «антисоциальном будущем» станет принцип «каждый выживает сам, а слабый погибнет». «Причем в слабых окажется половина сограждан, и отнюдь не только из-за своей лени, тупости или пьянства». В таком обществе «большинству придется напрочь забыть о спорте и отпуске, где все будут вынуждены надрываться в зарабатывании денег на элементарные вещи, которые еще недавно были доступными» [30, с. 5].

Возможно, что точка зрения М. Архангельского может показаться уж слишком пессимистичной и не строго репрезентативной к повседневной жизни россиян на всех уровнях, однако все сказанное им очень созвучно тому, о чем говорили наши респонденты. Уже сейчас многие из них не отказываются ни от какой дополнительной работы. Как правило, по квалификации она намного ниже. Для зарабатывания денег используются любые средства, даже те, которые раньше считались неприемлемыми (покупка и продажа, валютные спекуляции, сбор металлолома и бутылок и т.д.). По данным мониторингов, проводимых в Санкт-Петербурге другими социологами, большинство петербуржцев тратят почти весь семейный бюджет на питание*. Многие отмечают, что почти перестали ходить в театр и на концерты, не ездят на экскурсии, почти не покупают книг и не выписывают газет. Как считают наши респонденты, режим такой экономии — это плата за «сладкую жизнь» правящих верхов.

Последствия августовского кризиса еще нагляднее показали, что в нашем обществе ни для каких слоев населения нет гарантий сохранения своего социального статуса, собственности, капиталов. Если последствия экономического кризиса 1993 г. существенным образом отразились на бедных слоях населения, сделав их еще беднее, то кризис 1998 г., определяемый еще и как финансовый, явился результатом не только внутренней экономической политики в стране, но и кризисных явлений на мировом финансовом рынке. Неспособность правительства вовремя принять необходимые «жесткие» меры, справиться с удержа-

* 41% семей в Санкт-Петербурге тратят на питание практически весь свой доход, 24% семей — 51–75%, 28% семей — 76–95%, 6% семей — 26–50% и только 1% — менее 25% своего дохода тратят на питание. (Данные мониторинга ИГАР—ТАСС и ИМА—Пресс март, 1999.)

нием валютного коридора и многие другие причины обусловили тот факт, что основная тяжесть последствий этого кризиса легла на финансовые и коммерческие структуры, средний и малый бизнес. Основными пострадавшими последнего кризиса стали представители так называемого среднего класса и те, кто только начал закрепляться в рыночной экономике. Среди последних оказались и некоторые наши респонденты.

Психологические последствия и глубину «сдвига», произведенного кризисом в сознании всех без исключения социальных групп населения, предстоит еще оценить [31]. Нам же удалось на эмпирическом материале зафиксировать рефлексию респондентов на кризисные ситуации этих лет, так как они являлись представителями как бедных и беднейших слоев населения, так, возможно, и формирующегося «среднего класса».

С позиции демократизации и формирования гражданского общества важное значение приобретает вывод о том, что макроэкономические и макрополитические движения могут быть контрпродуктивными в том случае, если они приводят к росту неудовлетворенности большого числа людей условиями жизни и недоверию населения к деятельности всех ветвей власти.

Исследование недоверия как социальной проблемы

В русле западной социологии социальные проблемы часто определяются в терминах ограниченности ресурсов или различных форм отклонений. К первой категории относятся бедность, болезни, безработица, сокращение или разрыв социальных связей и поддержки, а ко второй — алкоголь и наркомания. Среди этих вопросов недоверию не отводится заметного места. Политический аспект такого понятия, как недоверие, не рассматривается в качестве социальной проблемы в рамках западных исследовательских традиций. В переходной России поле социальных проблем представляется значительно более широким, чем то, которое мы видим при более узком стандартном подходе. Это частично объясняется и тем, что для многих респондентов термин «социальная проблема» звучал не совсем понятно — требовались дополнительные пояснения интервьюера.

На первом этапе анализа текстов интервью (1993 и 1994 гг.) был получен достаточно неожиданный результат [32]. В качестве наиболее часто упоминаемой респондентами социальной проблемы в этих интервью оказалась проблема «грязи» (неблагоустроенность и беспорядок на улицах, в общественных местах — как на символическом, так и на практическом уровне, которая может быть отнесена к очень размытой категории проблем). Далее упоминались такие проблемы, как «преступность», «кризис ценностей» и «недоверие к деятельности правительства страны и местной администрации» (далее просто «недоверие»). Более традиционные социальные проблемы, такие как «бедность» и «неудовлетворенность медицинским обслуживанием», упоминались значительно реже*.

Интерпретация этих первоначальных и неожиданных результатов строилась на предположении, что россияне переживают определенный культурный

* Подробное описание концептуально-методических приемов анализа [33, с. 195–247].

и социальный шок начала радикальных перемен и вхождения в переходный период, при котором основы идентификации и существования значительно рыхлятся. Респонденты были шокированы тем, что произошло в их стране и городе. Следует подчеркнуть, что для жителей Санкт-Петербурга особенное значение имеет идентификация себя как европейцев, живущих в одном из красивейших городов мира, с отличной от других городов России социо-культурной средой. Ощущение символического значения своего города и самоидентификация с ним всегда были присущи ленинградцам, петербуржцам, в особенности представителям более старшего поколения.

Поэтому негативный социальный фон проводимых реформ вызвал нарушение привычного соотношения представлений об «образе города» и «чувстве города», явился причиной усиления напряженности и угнетенного состояния людей [34, с. 74–75]. Грязь и беспорядок на улицах для многих наших респондентов связывались с беспокойством о репутации Петербурга как цивилизованной европейской метрополии, потерей уверенности в будущем, беспокойством об утрате особой петербургской культуры. Одновременно проблема «беспорядка и грязи на улицах и в общественных местах» становилась источником «недоверия», которое выросло из сомнений людей в способности местных политиков и администрации сохранить физический и символический порядок в городе.

Упоминания о ценностях в текстах интервью были также связаны с подобным беспокойством о том, что в период безвластия старые ценности будут заменены новыми, заметно отличными от устоявшихся и привычных. И это вполне естественно, потому что формирование новых идентичностей, равно как и новых социальных типов, не предполагает быстрых и массовых «перестроек» внутриличностного порядка [35]. Кроме того, это процесс для многих людей достаточно болезненный, особенно для представителей старшего поколения, которым трудно отказываться от накопленного ранее опыта, традиционных ценностей и предпочтений. Заполнение кино-телеканалов низкопробными зарубежными картинками и передачами, непривычная и раздражающая реклама дорогостоящих товаров и средств интимной гигиены воспринималось многими нашими респондентами как навязывание им враждебных и неприемлемых образцов поведения и культуры. И это также связывалось с неспособностью руководителей государства справиться с «культурным прессингом Запада».

Изменения в восприятии населением социальных проблем в Санкт-Петербурге: от шока к медленной адаптации

Следующий этап анализа текстов интервью 1994–1995 гг. [36] подтвердил первоначальные выводы, свидетельствующие о роли культурного шока 1993 г. На более поздних этапах исследования были зафиксированы определенные показатели адаптации людей к изменяющимся условиям. Это отразилось и на переменах в их восприятии социальных проблем предыдущих лет. В 1993 г. «грязь», «ценности» и «недоверие» были уравнены только волнением по поводу роста преступности. В 1994 г. «преступность» (как социальная проблема) заняла

первое место среди упоминаемых и следующая за «грязью и беспорядком». В ряд проблем, наиболее важных для горожан, выдвинулась проблема, связанная с неудовлетворительной работой городского транспорта. В 1995 г. «грязь» перестала упоминаться как центральная социальная проблема, а «преступность» и «транспортные проблемы» стали доминирующими.

Важно отметить, что составленный нами перечень социальных проблем, проранжированный по числу упоминаний о них в текстах интервью, не обязательно отражал приоритетные проблемы, поднимаемые в средствах массовой информации и в официальной статистике в эти годы. Например, «преступность» как социальная проблема стала первостепенной в более поздних интервью, а дебаты по поводу роста преступности в средствах массовой информации достигли наивысшей степени обсуждаемости в 1992–1993 гг. Вместе с тем, как констатировали социологи, исследующие девиантное поведение, общественное звучание в это же время стали приобретать «новые» для нашего города проблемные ситуации, связанные с употреблением наркотиков. Однако понятно, что само явление появилось значительно раньше: оно просто не было дозволенной темой, которая широко обсуждалась на страницах прессы [37]. Таким образом, динамика восприятия социальных проблем варьирует в разные периоды общественной жизни.

Нематериальные и символические проблемы, такие как «грязь, беспорядок» и «недоверие», легко ускользают от официальной статистики и редко включаются в список социальных проблем в вопросниках. В средствах массовой информации сюжеты об этих проблемах возникают гораздо чаще. Однако даже в этих случаях они оказываются скрытыми (ускользнувшими) от исследования, несмотря на то, что остаются насущными для читателей и слушателей. В семейных интервью, и это стоит отметить, «недоверие» не являлось доминирующей проблемой в начале обследования. Тем не менее, оно всегда сохраняло свое место вблизи центральных тем актуальных дискуссий, и в большинстве случаев могло быть охарактеризовано как сопутствующая проблемная ситуация, имеющая фоновое значение.

«Недоверие» как сопутствующая проблема различных проблемных ситуаций

Следует сразу отметить, что большая частота ссылок на проблемы еще не является надежным показателем связи между различными социальными проблемами в любом типе анализируемого материала. В официальной статистике и опросах общественного мнения, вероятно, не всегда удается с высокой степенью достоверности установить связи между различными проблемными ситуациями. Такая задача может быть выполнена скорее с помощью контент-анализа материалов средств массовой информации, хотя также со значительными трудностями. Собранный нами эмпирический материал, как нам кажется, позволил выявить существенные связи между проблемами на основе анализа различных комбинаций их упоминаний в текстах интервью [38].

Мы выделяем три типа проблем (три относительных позиции):

1. **доминирующие проблемы** — те проблемные ситуации, которые собрали большее число упоминаний в качестве самостоятельных проблем, не обязатель-

но связанных с другими проблемами (они часто упоминаются отдельно или стоят на первом месте в более длинном списке проблем);

2. **генерирующие проблемы** — те, которые чаще, чем другие, приводят к упоминанию сопутствующих проблемных ситуаций;

3. **результатирующие проблемы** — те, которые могут вообще не упоминаться отдельно, однако собирают много упоминаний в связи с другими проблемами (табл.).

Динамика изменения восприятия социальных проблем по их типам

Типы проблем	Годы		
	1993	1994	1995
Доминирующие	Грязь и беспорядок Преступность Транспорт	Преступность (Грязь и беспорядок)	Преступность (Транспорт)
Генерирующие	Грязь и беспорядок (Преступность)	Грязь и беспорядок	Преступность
Результирующие	Недоверие Проблемы само- идентификации	Недоверие Мафия (Напряженность)	Недоверие

В рамках описанной классификации «недоверие», неоднократно упоминаемое в текстах, может характеризоваться как результирующая проблема для каждого года опроса. Нередко ссылка (обращение) на доминирующие проблемы, подобные «грязи» и «преступности», часто следовала за утверждением о недоверии к политикам и местным властям. Даже в тех случаях, когда «недоверие» не демонстрировалось явно при обсуждении отдельных социальных проблем, оно фигурировало как лежащий в основании скрытый подтекст других. Было выделено еще несколько проблем, которые могли быть рассмотрены как следствия других. В 1993 г. такой проблемной ситуацией была «идентификация себя как жителя Петербурга», а в 1995 — «беспокойство о действиях мафии», часто упоминаемое как сопутствующее другим проблемам, хотя реже упоминаемых, чем «недоверие».

Замечания к выводам: рост недоверия населения Санкт-Петербурга как угроза или «вызов» демократизации

Результаты анализа текстов 100 семейных интервью жителей Санкт-Петербурга, обсуждаемые выше, свидетельствуют о нарастающем углублении и расширении недоверия населения к деятельности властных структур (политическим лидерам и местной администрации) в процессе трансформации общества середины 1990-х гг. Безусловно, предложенный вывод следует с осторожностью.

тью экстраполировать на всю Россию. Однако до сих пор не выявлены такие локальные (социально-территориальные) особенности, которые могли бы убедить нас, что та часть населения и та территория (преимущественно это Красногвардейский район Санкт-Петербурга), которая попала в наше обследование, могут считаться единственным местом углубляющегося недоверия. Это утверждение дает нам определенное право считать, что тексты наших интервью вполне могут служить достаточно надежным примером артикуляции мнения обычных горожан по поводу их повседневной жизни в России.

Два вопроса могут возникнуть в ходе формулирования предварительного вывода. Во-первых, в какой степени «недоверие» могло бы быть рассмотрено как угроза демократизации? Можно вполне допустить, что определенный уровень неудовлетворенности населения условиями и уровнем жизни являются необходимым источником энергии в демократическом процессе любого общества. В этом смысле «недоверие» могло бы быть рассмотрено, с одной стороны, как вызов, а с другой, как условие дальнейшего развития. В то же время, когда степень напряженности достаточно велика, существует опасность того, что оно может перерасти в угрозу для самого процесса. Такой ответ приводит к необходимости постановки второго вопроса. Не является ли недоверие к властям в петербургских семьях надлежащим показателем (свидетельством) «нормального» неудовлетворения или становится чем-то более серьезным, тормозящим продвижение к демократизации? Не углубляясь в детали такой интерпретации, можно все-таки утверждать, что мы имеем дело не с мнением отдельных людей, которое может быть охарактеризовано как аутсайдерское, а фиксируем нечто более серьезное, являющееся показателем серьезных трудностей перехода.

Специфической особенностью полученных интервью стало и то, что высказываемое недовольство нередко было прямо обращено к определенным персоналиям, а именно, известным политическим деятелям или представителям местной администрации. Поэтому возникает важный вопрос: как и насколько сильно это персонифицированное недоверие может отличаться от недоверия к социальным и политическим институтам, к образу их действия? Не без основания можно предположить, что за демонстративным критицизмом отдельных персоналий в данном случае скрывается неявно выраженное недоверие к институтам. Вероятно также и то, что индивиды «бросают тень» на репутацию, в первую очередь, тех институтов, с которыми они теснее связаны. Предложенные нами выводы, несомненно, носят пока еще дискуссионный характер и требуют более детальной проработки на эмпирических материалах, что мы и наеемся осуществить в дальнейшем.

Несмотря на то, что в представленном исследовании мы рассмотрели «недоверие» прежде всего как теоретическое понятие, существует и второй аспект этого феномена, который, как нам кажется, также должен быть отмечен. В настоящее время, и это особенно типично для России, стратегии выживания как в повседневной, так и в деловой жизни, строятся, скорее, на неформальных структурах взаимного доверия, чем на формальных контрактах и юридически закрепленных обязательствах. В этом смысле уместно вспомнить утверждение наших коллег по проекту о том, что неформальные социальные сети материальной и моральной поддержки, присущие семьям наших респондентов в прошлом, в

последние годы заметно сокращаются. Цепочки участников социальной сети становятся «короче и уже», так как включают наиболее близких людей. Это заключение кажется нам очень важным, потому что его можно интерпретировать как признак того, что в период социальных напряжений социальные сети становятся менее расширенными, но более значимыми. Они заметно интенсифицируются и строятся на более доверительных взаимоотношениях для преодоления трудностей повседневной жизни [18]. Аналогичным, хотя и несколько неожиданным примером в данном контексте могут служить структуры профессионального преступного мира, также организованные по принципу специфического представления о доверии или недоверии [7; 39].

Очень важным, на наш взгляд, явился и отмеченный нами факт: возможность или необходимость гражданской мобилизации населения вокруг проблемных вопросов артикулировалась респондентами крайне редко. Наоборот, гораздо чаще высказывалось устойчивое ожидание того, что для решения насущных проблем «кто-то должен же что-то делать». В качестве этих «кого-то» подразумевались, прежде всего, представители администрации города или района, известные политические деятели. Таким образом, открыто выражая свое неудовлетворение их деятельностью и недоверие к ним, наши респонденты связывали свои ожидания относительно решения проблемных ситуаций и улучшения условий жизни как раз с теми, кого более всего и критиковали. Альтернативные каналы действия или выражения конструктивного мнения предлагались очень редко.

Все сказанное выше так или иначе подводит нас к вопросам о процессе взаимодействия государства и общества в современных условиях переходного периода и наследию российского прошлого, когда опора на государство и гражданская пассивность определялись как привычные и не подвергающиеся сомнению [40]. Аналогичные процессы наблюдают эстонские исследователи [41].

В заключение хотелось бы привести достаточно дискуссионный вывод, предложенный нам коллегой по проекту Тимо Пиирайненом в опубликованной им книге «Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life», в которой пытается дать некоторое объяснение тем сюжетам, которые мы затронули в предлагаемой статье. Он высказывает предположение о том, что в настоящее время в России формируется новая социальная стратификация общества. В упрощенной форме его анализ строится на той идее, что в переходной России люди определяют свои позиции преимущественно на основе того, куда они могут или должны инвестировать свои ресурсы или имущество. Малочисленная элита приняла и усвоила практики рыночной экономики современных обществ. Немного более «толстый пласт» возникшего среднего класса также стремится развиваться в этом направлении. Однако наряду с созданием современных институтов «новый средний класс» до сих пор опирается и на старые структуры. Многочисленная же нижняя часть представляемой вертикальной модели социальной стратификации населения использует стратегии смешения рыночных структур, старой государственно-централизованной командной системы и средств неформальной экономики. Ближе к основанию этой условной социальной шкалы располагаются те пролетаризированные слои (страты), которые должны полагаться на жалкие остатки старой системы, не надеясь на помощь никаких властных структур. Демократия, экономика и, воз-

можно, формирующиеся элементы гражданского общества хороши для элит и, может быть, для отдельных социальных групп «нового среднего класса». Но широкие слои населения до сих пор являются в той или иной мере аутсайдером возникающих новых институтов и процессов демократизации [42].

Несмотря на дискуссионность высказанной выше идеи все же следует согласиться с тем, что любые, даже самые прогрессивные реформы, не смогут иметь созидательного характера, если они не будут поняты и поддержаны большинством населения. Утрата доверия не только к любым властным структурам, но и «всех ко всем» оборачивается тем, что в настоящее время утверждаются разрушительные тенденции в трансформации общества, которые, инсталлируясь в сознание людей, тормозят любые возможности принятия конструктивных решений. Таким образом, отношение к феномену «недоверие населения» как к социальной проблеме приобретает особое значение как в контексте адекватного понимания трансформирующегося общества, так и для формирования органами власти эффективной социальной политики. Все это крайне актуально в период подготовки к выборам нового состава парламента и президента страны.

Литература

1. Вайнштейн Г. И. Формирование гражданского общества: Ожидания и социально-психологическая реальность // *Гражданское общество в России: Структуры и сознание*. М., 1998.
2. Дилигенский Г. Г. Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // *Гражданское общество в России: Структуры и сознание*. М., 1998.
3. Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creating of Prosperity*. New York, 1995.
4. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, 1991.
5. Seligman A. B. *The Problem of Trust*. Princeton, 1997.
6. Lagerspetz M. *Constructing Post-Communism: A Study in the Estonian Social Problems Discourse* // *Annales Universitatis Turkuensis*. 1996. Bd. 214.
7. Gambetta D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. London, 1993.
8. Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. London, 1988.
9. Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, 1990.
10. Coleman J. S. *Social Capital in the Creation of Human Capital* // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 94. Supplement. P. 95–120.
11. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, 1993.
12. Woolcock M. *Social Capital and Economic Development: Towards a Theoretical Synthesis and Policy Framework* // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27.
13. Холодковский К. Г. Введение // *Гражданское общество в России: Структуры и сознание*. М., 1998.
14. Durkheim É. *Le suicide: Étude de sociologie*. Paris, 1997 (1930).
15. Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. New York, 1957.
16. Kortteinen M., Tuomikoski H. *Työtön (The Unemployed)*. Helsinki, 1998.
17. Sztompka P. *Trust and Emerging Democracy. Lessons from Poland* // *International Sociology*. 1996. Vol. 11. № 1.
18. Poretzkina E., Jyrkinen-Pakkaasvirta T. *Changes in Social Support in the Period of Transition Market Relations in Russia* / Eds. M. G. Everett, K. Reynolds // *Social and Large Networks*. 1996. Vol. 2. P. 223–230.
19. Lonkila M. *Continuity and Change in Social Networks of Petersburg Teachers, 1993 — 1996* // *Connections*. 1998. Vol. 21 (2).
20. Куценко В. И. *Общественная проблема: Генезис и решение (Методологический анализ)*. Киев, 1984.

21. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем в трансформирующемся обществе: Теоретико-методологический аспект: Автореф. канд. дис. Казань, 1997.
22. Минина В. Н. Социальное программирование: Теоретико-методологический аспект. СПб., 1997.
23. Durkheim E. Les règles de la methode sociologique. Paris, 1895 (PUF, 1987, coll. «Quadrige»; autre édition: Flammarion, 1988, coll. «Champs»),
24. Спектор М., Китсьюзи Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности: Хрестоматия / Пер. с англ. Казань, 1998.
25. Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 49–56.
26. Шампань и др. Начала практической социологии. М., 1996.
27. Серебренникова А. Изменение отношения населения Санкт-Петербурга к социальным проблемам города // Повседневность 90-х глазами петербуржцев. СПб., 1999. С. 89–109.
28. Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. New York, 1987.
29. Holstein J. A., Miller G. (eds.) Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory. New York, 1993.
30. Архангельский М. Нам готовят антисоциальную эпоху // Социальная защита. 1997. № 2. С. 3–9.
31. Тарасенко В. В среднем классе плохая успеваемость // Общая газета. 1998. 12–18 ноября. С. 15.
32. Симпура Ю., Еремичева Г. Грязь: Символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. 1995. Т. IV. № 2. С. 179–189.
33. Симпура Ю., Еремичева Г. Социальные проблемы повседневной жизни и восприятие их петербуржцами // Повседневность 90-х глазами петербуржцев. СПб., 1999. С. 197–247.
34. Ярыгина З. Эстетика города. М., 1991.
35. Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: Попытка характеристики // Информационный бюллетень мониторинга. № 2. М., 1997. С. 9–15.
36. Симпура Ю., Еремичева Г. От грязи к преступности: Динамика восприятия социальных проблем населения Санкт-Петербурга // Мир России. 1997. Т. IV. № 2. С. 163–183.
37. Afanasyev V., Gilinskij J. Social Problems in St. Petersburg / Ed. J. Moskalewicz // Perception of social problems under transition. Survey around the Baltic Sea. Helsinki, 1997. P. 123–138.
38. Simpura J., Eremitcheva G. Dirt: Practical and Symbolic Dimensions of Social Problems in St. Petersburg, Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 1997. Vol. 21. № 3. P. 467–479.
39. Backman J. Understanding and Interpreting the Threat of Russia's Organized Crime // Idäntutkimus. 1997. Vol. 4(1). P. 49–55.
40. Simpura J., Määttänen R. European Citizenship between Plan and Market: Perspectives on Welfare Regimes in the Northern Baltic Sea Region / Ed. M. Brancli // Citizenship in Northern Europe: School of Slavonic and European Studies. London, 1997.
41. Lagerspetz O. The Tacit Demand: A study in Trust. Turku, 1996
42. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures an Everyday Life. Dartmouth, 1997.